

О принципах равенства и справедливости в уголовном праве и особенностях современного уголовного законодательства в свете исключения пункта «о» из части 1 статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации

ЮЛИЯ СТАНИСЛАВОВНА КАРАВАЕВА

Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики – Пермь», Пермь, Россия, iuskaravaeva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2241-7360>

Реферат

Введение: изменение перечня обстоятельств, отягчающих наказание, в 2010 и 2023 гг. в связи с дополнением и исключением п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ («совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел») представляет интерес в свете принципов равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ) и справедливости (ст. 6 УК РФ), а также особенностей современного уголовного законодательства. *Цель:* с учетом действующего законодательства и доктрины определить соотношение данных изменений с обозначенными принципами, а также указать проявившие себя здесь тенденции законодательной деятельности. *Методы:* формально-логический, аналитический, статистический методы и метод интерпретации. *Результаты:* анализ действующего конституционного и уголовного законодательства в части положений, закрепляющих принципы равенства граждан перед законом и справедливости, а также их доктринального и судебного толкований показывает, что признание факта совершения умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел отягчающим наказанием обстоятельством противоречит данным принципам, поскольку ставит указанную категорию граждан в более уязвимое положение относительно иных представителей правоохранительных органов, чей статус фактически обладает не меньшей криминогенностью. Кроме того, изменения ч. 1 ст. 63 УК РФ от 2010 и 2023 гг. подтверждают актуальность ряда тенденций, присущих современному уголовному законодательству. *Выводы:* исправление допущенного в 2010 г. нарушения представляется более логичным за счет приведения нормы п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ к следующему виду: «совершение умышленного преступления сотрудником правоохранительного органа». Анализ обстановки введения данного пункта в 2010 г. и его исключения в 2023 г. позволяет констатировать проявление таких негативных тенденций уголовного законодательства, как конъюнктурность, криминологическая необоснованность, приоритет специализации и казуистичность уголовного закона как следствие, а также отсутствие однозначно сформулированной позиции высших судебных инстанций в рамках обсуждения законопроектов.

Ключевые слова: обстоятельства, отягчающие наказание; уголовное законодательство; принцип равенства; принцип справедливости.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Караваева Ю. С. О принципах равенства и справедливости в уголовном праве и особенностях современного уголовного законодательства в свете исключения пункта «о» из части 1 статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 3 (63). С. 282–291. doi 10.46741/2686-9764.2023.63.3.006.

Original article

On Equality and Justice Principles in Criminal Law and the Specifics of Modern Criminal Lawmaking in the Light of the Exclusion of Paragraph “o” from Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation

YULIYA S. KARAVAEVANational Research Institute “Higher School of Economics – Perm”, Perm, Russia, iuskaravaeva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2241-7360>

Abstract

Introduction: the amended list of aggravating circumstances published in 2010 and 2023 in connection with the addition and exclusion of paragraph “o” of Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation (“commission of an intentional crime by an employee of the internal affairs body) are of interest in the light of the principles of equality of citizens before the law (Article 4 of the Criminal Code of the Russian Federation) and justice (Article 6 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as in terms of modern criminal lawmaking. *Purpose:* taking into account the current legislation and doctrine, to determine correlation of these changes with the stated principles, as well as to indicate legislative activity trends. *Methods:* formal-logical and analytical methods, statistical method and interpretation method. *Results:* the analysis of the current constitutional and criminal legislation in terms of provisions enshrining the principles of equality of citizens before the law and justice, as well as their doctrinal and judicial interpretations, shows that the recognition of the fact of committing an intentional crime by an employee of the internal affairs body as an aggravating circumstance contradicts these principles, since it puts this category of citizens in a more vulnerable position relative to other employees of the internal affairs body whose status actually has criminality as well. In addition, the 2010 and 2023 amendments to Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation confirm the relevance of a number of trends inherent in modern criminal lawmaking. *Conclusion:* it seems more logical to correct the violation committed in 2010 by proposing the following wording of paragraph “o” of Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation: “commission of an intentional crime by a law enforcement officer”. Having considered the situation of the introduction of paragraph “o” in Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation in 2010 and its exclusion in 2023, the author has come to a conclusion about the existence of negative trends in criminal lawmaking, such as its opportunism, criminological unreasonableness, priority of specialization and casuistry of the criminal law as a consequence, as well as absence of an ambiguously formulated position of the higher courts in the discussion of draft laws.

Key words: aggravating circumstances; criminal lawmaking; principle of equality; principle of justice.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Karavaeva Yu.S. On equality and justice principles in criminal law and the specifics of modern criminal lawmaking in the light of the exclusion of paragraph “o” from Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 3 (63), pp. 282–291. doi 10.46741/2686-9764.2023.63.3.006.

Введение

Совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, было внесено в УК РФ в феврале 2010 г., а исключено в июне 2023 г. В обоих случаях решения законодателя вызвали активное обсуждение в доктрине и среди правоприменителей. Как нам представляется, предпринятые шаги по изменению перечня отягчающих обстоятельств можно оценивать как минимум с двух позиций: во-первых, в свете реализации принципов равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ) и справедливости (ст. 6 УК РФ), во-вторых, в контексте особенностей уголовного законодательства последнего десятилетия.

Значение п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ для практики назначения наказания

После обозначенных изменений 2010 г. перед правоприменителем встал вопрос об учете указанного обстоятельства при назначении наказания, если деяние квалифицировано как должностное или совершенное с использованием служебного положения в свете предписания ч. 2 ст. 63 УК РФ. Проблема сохраняла актуальность вплоть до соответствующих разъяснений высшей судебной инстанции, опубликованных в 2015 г., когда было сформулировано правило о неприменении судами п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ в случае совершения сотрудником органа внутренних дел преступления с использованием своего служебного по-

ложения (например, преступления, предусмотренно-го ч. 3 ст. 160, ст. 286 УК РФ) [1]. Приведенное правило сориентировало суды на применение рассматриваемого обстоятельства при назначении наказания за совершенные сотрудником органов внутренних дел преступления общеуголовного характера, а отсутствие уточнений относительно необходимости установления связи совершенного деяния со служебным положением субъекта вызвало активное обсуждение в науке и неоднородность судебной практики в соответствующей части. К примеру, изменяя приговор первой инстанции в части назначенного наказания А. Г. Амеляновичу, обвиняемому в совершении пособничества в убийстве и умышленном повреждении чужого имущества (ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ, ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 167 УК РФ), апелляционная инстанция применила п. «о» ч. 2 ст. 63 УК РФ, обосновав это следующим: «Амелянович А. Г., являясь сотрудником органа внутренних дел, зная о том, что Амелянович А. Е. не имеет разрешения на хранение и ношение оружия, не воспрепятствовал его применению, а напротив – оказал пособнические действия совершению умышленных преступных действий. По смыслу закона совершение сотрудниками органов внутренних дел, на которых возложена ответственность по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка, умышленного преступления свидетельствует об их осознанном, вопреки профессиональному долгу и принятой присяге, противопоставлении себя целям и задачам деятельности полиции, что способствует формированию негативного отношения к органам внутренних дел и институтам государственной власти в целом, деформирует нравственные основания взаимодействия личности, общества и государства, подрывает уважение к закону» [2].

Несмотря на то что в данном случае пособнические действия виновного выразились в управлении личным транспортным средством во время преследования потерпевших и не были связаны с его служебным положением, суд посчитал возможным учесть анализируемое обстоятельство в качестве отягчающего наказание. Подобная практика вызвала критические замечания в доктрине, поскольку «уголовное законодательство не предусматривает ни усиления, ни смягчения наказания за преступления, не связанные с использованием служебного положения, даже если они совершены лицами, занимающими высокие и ответственные должности» [3, с. 90].

Вместе с тем подобный подход правоприменителя представляется вполне оправданным в том смысле, что совершенное вне служебной деятельности преступление и при отсутствии его связи со служебным положением субъекта так или иначе подрывает и авторитет государственной власти, и доверие населения к ее носителям и государству в целом. В то же время это справедливо не только для сотрудников органов внутренних дел, но и для любых должностных лиц государственных и муниципальных органов власти, включая правоохранительные структуры. В указанном контексте обсуждение изменений перечня обстоятельств, отягчающих наказание (ч. 1 ст. 63

УК РФ), в части дополнения его п. «о» в 2010 г. и исключения в 2023 г., поднимает вопрос о соблюдении уголовно-правовых принципов равенства граждан перед законом и справедливости, закрепленных в ст. 4 и 6 УК РФ.

Обстоятельство, закрепленное п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ, в свете принципов равенства и справедливости

Важно, что все высказанные в уголовно-правовой науке замечания по поводу изменений 2010 г., как правило критического характера, фокусировались на вопросе их соотношения с принципом равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ) [4–6].

Авторы, обращаясь в своих исследованиях к идее равенства в праве, отмечают, прежде всего, историческую изменчивость ее содержания, а в качестве иллюстрации приводят советский и современный периоды в истории России. В частности, характерным для первого называется существование «явного перекоса в сторону внедрения фактического равенства в ущерб формально-юридическому» [7, с. 4]. Иными словами, равенство в советском праве отождествлялось с фактическим равенством людей, что в конечном счете принимало вид «всеобщей уравниловки» [7, с. 4]. Очевидно, что подобный подход в корне неверен, поскольку ситуация фактического равенства людей невозможна априори: «реальное фактическое равенство является противным человеческой природе... противоречит самой идее права» [8, с. 82].

Что касается современного толкования принципа равенства, то оно, в первую очередь, опирается на положения действующего законодательства. Так, согласно ст. 19 Конституции Российской Федерации, государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Закрепление конституционных начал равенства граждан в УК РФ придало им значение уголовно-правового принципа равенства граждан перед законом, суть которого сводится к требованию привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, независимо от каких-либо присущих им признаков. Иными словами, содержание принципа равенства в уголовном праве значительно уже общих конституционных положений: устанавливая необходимость привлечения субъекта к уголовной ответственности в связи с совершенным преступлением, он, таким образом, распространяется на ограниченный круг лиц и в целях привлечения к ответственности не берет во внимание иные их характеристики, кроме факта совершенного преступления. Подчеркнем, что указанные характеристики могут учитываться в целях дифференциации или индивидуализации ответственности, однако на наличие либо отсутствие основания привлечения к ответственности не влия-

ют. Кроме установления «равной обязанности нести ответственность за совершенное преступление», как отмечает В. Д. Филимонов, «основу содержания принципа равенства граждан перед законом в уголовном праве составляют требования равных оснований для применения уголовной ответственности и равных критериев определения содержания и размеров уголовной ответственности» [3, с. 88].

Отметим, что доктринальное толкование приведенных законодательных положений основывается на разграничении формального (юридического) и фактического (социального) равенства. При этом первое выступает своеобразной фикцией, позволяющей в целях обеспечения правового регулирования, охраны и защиты социально значимых благ, ценностей и отношений абстрагироваться от фактических различий субъектов, обладающих правоспособностью. Это означает, что в юридическом смысле фактически неравные субъекты, обладающие различными личностными, социально-демографическими и иными признаками, признаются равными. Так, Д. Е. Зайков пишет, что формальное равенство – это ширма, которая скрывает особенности, превосходство, недостатки и другие существующие различия между гражданами и которая в действительности прозрачна [9]. Представляется, что автор, говоря о прозрачности, имеет в виду тот факт, что формальное равенство не только не отменяет, а даже, наоборот, обосновывает дифференцированное отношение законодателя к отдельным категориям субъектов: законное неравенство является движущей силой правового равенства [9].

Действительно, само по себе закрепление на конституционном и отраслевом уровнях положений о равенстве граждан перед законом выступает основой для дифференцированного законодательного регулирования и охраны общественных отношений и социальных благ с учетом особенностей субъектов. В частности, применительно к уголовному праву речь идет об институтах дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания, в ряде случаев предполагающих учет отдельных характеристик субъекта преступления и/или потерпевшего.

В подтверждение приведенной мысли обратимся к правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснившего вопрос соотношения равенства и дифференциации в праве: «Любая дифференциация правового регулирования, приводящая к различиям в правах и обязанностях субъектов права, должна осуществляться законодателем с соблюдением требований Конституции Российской Федерации, в том числе вытекающих из принципа равенства (ч. 1, 2 ст. 19), в силу которых различия допустимы, если они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им. Соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объек-

тивного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях)» [10].

В свете обозначенных Конституционным Судом Российской Федерации критериев объективной оправданности и обоснованности дифференциации правового регулирования идея равенства оказывается напрямую связанной с принципом справедливости. Так, общая теория права, раскрывая «единство справедливости и равенства как выражения соразмерности и эквивалента», одним из его важнейших аспектов называет определение справедливости как «воздаяния равным за равное» [11, с. 30]. Учитывая, что речь идет о формальном равенстве, неизбежно сопряженном с законным неравенством субъектов – адресатов правового воздействия, «воздаяние равным за равное» становится возможным только за счет соответствующего рода исключений (привилегий, ограничений и т. д.). Применительно к уголовному праву это означает, что уголовно-правовой мерой равенства является закрепленное в законе положение о привлечении к ответственности каждого, совершившего преступление, а возможности дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания есть не что иное, как инструменты обеспечения справедливого равенства для фактически и законно неравных.

Важно, что эта идея не нова и соответствует морально-нравственным императивам, формализованным в том числе на уровне религиозных текстов: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше и взыщут» (Лк., 12:48). Особое значение это имеет в свете дифференцированного подхода законодателя к установлению мер ответственности за совершенное преступление в зависимости от особенностей деятеля и/или потерпевшего, поскольку позволяет соотносить его с принципом равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ) в качестве не только не противоречащего ему, но и утвержденного в целях реализации данного принципа. То же самое можно сказать и об институте индивидуализации наказания в связи с теми или иными особенностями виновного и/или потерпевшего.

С учетом приведенных рассуждений законодательное установление более строгих мер ответственности за преступление, совершенное должностным лицом, в том числе представителем власти, не нарушает ни требований равенства граждан перед законом, ни требований справедливости как уголовно-правовых принципов. Действительно, учет должностного положения лица, как представляется, направлен на обеспечение справедливого равенства при определении меры ответственности для субъектов, чье статусно-ролевое положение отличается криминогенным характером. Важно подчеркнуть, что само по себе занятие должности, осуществление служебной деятельности не влекут неизбежности или хотя бы какой-нибудь вероятности совершения преступления, однако они по определению сопряжены с формализованными криминогенными возможностями властного воздействия, а в отдельных случаях – и с использованием инструментов легаль-

ного принуждения. Кроме того, ошибочно отрицание неформализованных криминогенных возможностей, также сопутствующих занятию должностного положения и реализуемых в межличностном взаимодействии. В первую очередь, речь идет об авторитете, личном расположении, доверии и др. И то, и другое не только обуславливают возможность совершения деяния и/или его облегчают, но и влияют на изменение общественной опасности преступления, повышая ее, поскольку в любом случае подрывают авторитет государственной или иной службы, доверие населения к государству и его структурам. Действительно, наделение субъекта властными полномочиями, включая возможности принудительного воздействия, по сути, представляет собой акт доверия со стороны населения, добровольно вручившего эти инструменты отдельным лицам, представляющим государство, взамен обеспечения собственной безопасности. И, думается, независимо от направленности криминального поведения такого уполномоченного лица в общественном сознании он, будучи виновным, воспринимается именно как обличенный властью в целях утверждения законности, однако поправший ее. Неужели доверие населения в этом случае поколеблено не будет?

Отсюда не вызывает возражений наличие в действующем уголовном законе возможностей для дифференциации ответственности и индивидуализации наказания с учетом должностного положения субъекта или осуществляемой им служебной деятельности. Но, поскольку «справедливость есть равенство для равных по своей социальной значимости» [9], избирательность законодателя, придавшего именно статусу сотрудника органов внутренних дел значение обстоятельства, отягчающего наказание, вызывает вопросы. Очевидно, что подобная избирательность привела к явному нарушению начал равенства и справедливости и правы те ученые, которые в своих работах указывали на это [12–15]. В частности, обосновывая эту позицию, А. В. Елинский ссылается на то, что вывод о схожести правового статуса сотрудников органов внутренних дел и сотрудников иных правоохранительных органов, в частности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, был сделан в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 20.06.2006 № 173-О [16].

Изложенное позволяет заключить, что нарушение принципов равенства граждан перед законом и справедливости применительно к п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ имело место именно в связи с необоснованной избирательностью законодателя, который, игнорируя схожесть правового статуса представителей различных структур, относящихся к правоохранительным, наибольшую криминогенность придал статусу сотрудника органа внутренних дел.

Отсюда, казалось бы, исключение рассматриваемого обстоятельства из перечня ч. 1 ст. 63 УК РФ следует рассматривать как исправление законодателем допущенного 10 лет назад нарушения конституционных начал равенства граждан перед законом и

соответствующих уголовно-правовых принципов. Отметим, что пояснительная записка к законопроекту № 215274-8 «О признании утратившим силу пункта “о” части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации», определяя устраняемый признак как дискриминационный, ссылается на несправедливость выделения указанных сотрудников из представителей иных структур, обеспечивающих правопорядок в России, минимальную долю совершаемых сотрудниками правоохранительных органов преступлений от общего числа (1 %) и необходимость «восстановить логику законодательного регулирования и избежать тем самым подчеркивания незаслуженного и несправедливого недоверия к действующим сотрудникам органов внутренних дел России» [17].

Полагаем, что здесь прослеживаются некоторые тенденции современного уголовного законодательства последнего десятилетия, а также стремление устранить легальные нарушения основополагающих начал и требования системности законодательства.

О некоторых тенденциях современного уголовного законодательства в свете исключения п. «о» из ч. 1 ст. 63 УК РФ

Как было сказано выше, наряду с вопросами ответственности принципам равенства граждан перед законом и справедливости введение п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ и последующее его исключение из перечня отягчающих наказание обстоятельств заставляют задуматься и об особенностях современного уголовного законодательства. В частности, анализ оперативной обстановки, предшествовавшей нововведению 2010 г., позволяет авторам выделить резонансные события с участием сотрудников органов внутренних дел. Речь идет о преступлении бывшего начальника отдела внутренних дел по району Царицыно г. Москвы майора милиции Д. В. Евсюкова, который в ночь на 27 апреля 2009 г. устроил стрельбу в супермаркете «Остров» на Шипиловской улице. По данным следователей, милиционер убил двух человек, совершил покушение на убийство 22 человек, семь из которых получили огнестрельные ранения, а также посягательство на жизнь сотрудников милиции. 19 февраля 2010 г. Московский городской суд приговорил Д. В. Евсюкова к пожизненному лишению свободы [18].

Возможно, именно указанное деяние, а также отмечавшийся в предшествующие годы рост числа преступлений сотрудников органов внутренних дел и проводившаяся реформа МВД России послужили пусковым механизмом для законодателя. В результате появились анализируемая новелла, а также ст. 286.1 УК РФ «Неисполнение приказа сотрудником органа внутренних дел» как специальная норма, устанавливающая менее суровые меры ответственности относительно санкций общей ст. 286 УК РФ.

Общественный резонанс по поводу совершенного деяния и следующая за ним активность законодателя в виде новой нормы не раз возникали в 2010 г., а в последние годы эта событийная цепь и вовсе стала правилом для большинства актов уголовного законодательства. Иными словами, появление реактивных (конъюнктурных, ситуативных) норм в УК РФ, что

характерно для него в последние годы, происходит из подобной логики. Перспективы таких норм однозначны в большинстве случаев – они остаются мертворожденными, и применительно к ст. 286.1 УК РФ об этом свидетельствуют данные правоприменения: за весь период действия статьи к ответственности было привлечено 16 человек [19]. Отметим, что уже на этапе введения данной нормы ее нежизнеспособность прогнозировалась исследователями [15].

Суть тенденции, проявляющейся в указанной логике уголовного законотворчества, заключается в игнорировании законодателем требования криминологической обоснованности криминализации, предполагающего, во-первых, появление антиобщественных свойств у значительного количества людей; во-вторых, проявление этих свойств в общественно опасном поведении; в-третьих, влияние на волю законодателя уровня, структуры и динамики общественно опасного поведения [20]. Упрощая задачу, законодатель, судя по всему, связывает необходимость криминализации с возникающим значительным общественным резонансом по тому или иному негативному поводу, а цели уголовно-правового воздействия, таким образом, рассматривает, прежде всего, в свете решения сиюминутных (текущих) задач.

Следствием такого подхода выступает еще одна тенденция современного уголовного законотворчества, проявляющая себя в том, что появление новых составов преступлений происходит в основном за счет выделения специальных составов из общих [21]. Имеющая место в таких случаях дифференциация уголовной ответственности не вызывала бы возражений, будь она обоснованной. В частности, по мысли В. Н. Кудрявцева, существование специальной нормы наряду с общей нормой тогда имеет практический смысл, когда эта специальная норма как-то иначе решает вопросы уголовной ответственности по сравнению с общей нормой (например, о виде и размере наказания) [22]. Однако, насколько этому требованию соответствует ст. 286.1 УК РФ – большой вопрос (санкции ст. 286.1 являются привилегированными, и перечень видов наказаний принципиально не отличается, а поскольку в санкции ч. 1 ст. 286 отсутствует нижний предел срока лишения свободы, введение специальной нормы представляется излишним).

На наш взгляд, введение специальной нормы, содержащей признаки деяния, уже признанного преступным, и не предполагающей принципиально иного решения вопроса об ответственности, является следствием стремления законодателя акцентировать внимание правоприменителя и населения на отдельных явлениях действительности. Иначе как имитацией деятельности по противодействию подобным явлениям такую законотворческую активность сложно назвать, поскольку зачастую вновь введенная норма является нежизнеспособной.

Соответствует логике законодательной активности и исключение п. «о» из ч. 1 ст. 63 УК РФ в июне 2023 г. Нестабильность внешней и внутренней социально-политической ситуации в стране, когда сохранение социально-политического баланса связывается с усилением уголовно-правового воздействия,

предполагающего активное привлечение силовых структур, в том числе и органов внутренних дел, формирует, на наш взгляд, ту фактическую основу по законодательному изменению перечня отягчающих наказание обстоятельств в анализируемой части. И здесь нельзя не согласиться с А. А. Тарасовым, который отмечает, что в современной России любые антикриминальные кампании, против которых самих по себе никто бы и не подумал возражать, почему-то всегда сопровождаются ограничениями процессуальных гарантий и расширением властных полномочий представителей правоохранительных ведомств и силовых структур, а иногда даже и начинаются именно с этого [23]. В качестве примера автор приводит кампании по борьбе с терроризмом (2008 г.), педофилией (2013 г.).

На текущий момент, учитывая геополитическую ситуацию и сопутствующие ей изменения уголовного закона, с полной уверенностью можно говорить о продолжающейся кампании по борьбе с преступлениями, посягающими на государственную власть. Об этом свидетельствует динамика законодательной активности в части новеллизации Особенной части УК РФ. Как отмечает Н. А. Лопашенко, в 2022 г. основная масса изменений пришлась на три раздела, одним из которых является разд. X УК РФ «Преступления против государственной власти»: изменено 9 статей и включено 11 новых, при этом больше всего поменялась глава о посягательствах на основы конституционного строя и безопасности государства (4 статьи изменены, 9 новых включено) [24]. Выходит, что актуальность нынешней антикриминальной кампании в какой-то степени обнулила достижения другой – против преступности сотрудников органов внутренних дел, состоявшейся ранее в 2010 г.

Также отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о роли Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации в современном уголовном законотворчестве, в частности в исключении п. «о» из ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Так, неоднократно обращаясь к вопросу о применении рассматриваемого обстоятельства, отягчающего наказание, в рамках работы с жалобами граждан и обращениями судов, Конституционный Суд Российской Федерации отмечал исключительный характер возложенной на сотрудников органов внутренних дел ответственности, подтверждая тем самым обоснованность, целесообразность и соответствие Конституции Российской Федерации внесенных в уголовный закон изменений. Так, в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2011 № 1623-О-О указывается, что «совершение сотрудниками органов внутренних дел, на которых возложена исключительная по своему объему и характеру... ответственность по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка, умышленного преступления свидетельствует об их осознанном... противопоставлении себя целям и задачам деятельности полиции, что способствует формированию негативного отношения к органам внутренних дел и институтам государственной власти в целом,

деформирует нравственные основания взаимодействия личности, общества и государства, подрывает уважение к закону и необходимости его безусловного соблюдения» [25].

Очевидно, что подчеркнутая Конституционным Судом Российской Федерации исключительность ответственности сотрудников органов внутренних дел никуда не исчезла после исключения соответствующего отягчающего наказание обстоятельства в текущем периоде – она и на момент обсуждения соответствующего законопроекта имела место. Однако никто о ней не вспомнил и значения не придал, а между тем, апеллируя именно к этой исключительности, Конституционный Суд Российской Федерации отказывал в удовлетворении ряда жалоб и обращений [26; 27].

В связи с этим представляется важным обратиться к доктринальным размышлениям о взаимоотношениях судебной и законодательной властей в контексте реализуемой уголовной политики. Так, Ю. Е. Пудовочкин и М. М. Бабаев определяют роль Конституционного Суда Российской Федерации как роль правового помощника, заведомо исключающую минимальное противостояние между судом и парламентом, что столь же заведомо исключает и наличие противоречий между ними [28]. Н. А. Власенко, констатируя период слабой активности Конституционного Суда Российской Федерации, высказывается о том, что в забвение ушли особые мнения, ротация, уже не говоря о решениях вопреки управленческой системе [29].

Естественно, говорить об отнесении того или иного явления к ряду тенденций можно лишь на основании тщательного и глубокого его изучения, что в нашем исследовании в качестве задачи не стоит. Однако полагаем, что позиции, избранные высшими судебными инстанциями в рассматриваемом случае, вполне соответствуют тем выводам, которые уже сделаны в науке, и в очередной раз их подтверждают.

Что касается роли Верховного Суда Российской Федерации, то необходимо указать следующее. Обращение к содержанию отзывов к законопроекту 2010 г., которым предлагалось дополнить ч. 1 ст. 63 УК РФ пунктом «о», и законопроекту 2022 г., которым этот пункт предлагалось исключить, может свидетельствовать о некоторой самодистанцированности Верховного Суда Российской Федерации от участия в обсуждении. В частности, в первом случае отзыв содержал лишь указание на поддержку инициативы судом [30], а во втором случае суд, указывая на отнесение рассматриваемого вопроса к ведению федерального законодателя, резюмирует отзыв отсутствием «замечаний и предложений по законопроекту в пределах ведения суда» [31].

На наш взгляд, в данном случае Верховным Судом Российской Федерации демонстрируется недостаточная вовлеченность в законодательный процесс, что, однако, в науке оценивается по-разному: одни авторы считают, что подобная позиция соответствует

идее разделения властей, другие – что подчеркивает необходимость взаимодействия «суд – законодательство» [32]. Полагаем, что идея независимости судебной власти и механизм сдержек и противовесов в рамках разделения властей не являются взаимоисключающими, а наоборот, дополняют друг друга, чему избранная Верховным Судом Российской Федерации позиция противоречит хотя бы в части самоограничения «пределами ведения». Представляется, что при всей неразработанности понятия «предмет ведения» Верховного Суда Российской Федерации [32] сами по себе полномочия пленума по толкованию законодательства и непосредственное применение последнего судами в процессе осуществления правосудия есть основа для широкого понимания указанного понятия. Отсюда сознательная самодистанцированность суда от законодательской деятельности, которая, на наш взгляд, усматривается в приведенных выше отзывах к законопроектам, представляется недопустимой и явно не способствует утверждению разумной и обоснованной законодательной динамики.

Выводы

Как показывает практика, к сожалению, не всегда в рамках законодательской активности учитывается основополагающее значение положений, признаваемых принципами – конституционными или отраслевыми. Примером подобной ситуации выступает введение в 2010 г. в перечень отягчающих наказание обстоятельств ч. 1 ст. 63 УК РФ п. «о»: «совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел». На наш взгляд, в данном случае нарушение требований принципов равенства граждан перед законом и справедливости обусловлено реактивной избирательностью законодателя, из всего ряда представителей правоохранительных органов подчеркнувшего криминогенное значение статуса именно указанных сотрудников. Между тем в силу обладания сходными сущностными характеристиками статусы сотрудников иных правоохранительных органов являются не менее криминогенными, а потому исправление допущенного в 2010 г. нарушения требовало приведения нормы п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ к следующему виду: «совершение умышленного преступления сотрудником правоохранительного органа».

Анализ обстановки введения п. «о» в ч. 1 ст. 63 УК РФ в 2010 г. и его исключения в 2023 г., на наш взгляд, подтверждает актуальность некоторых тенденций современного уголовного законодательства, которые с полным основанием можно отнести к числу негативных. Речь, в частности, идет о конъюнктурности законодательства, его криминологической необоснованности, приоритете специализации, что влечет казуистичность уголовного закона, а также об отсутствии однозначной сформулированной позиции у высших судебных инстанций в рамках обсуждения нововведений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 // Российская газета. 2015. 29 дек.
2. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.02.2016 по делу № 35-АПУ 16-1. URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/3a9eea22e4bb3c9aff20d99f9268f4b8/> (дата обращения: 09.07.2023).
3. Филимонов В. Д. Принципы уголовного права. М., 2002. 139 с.
4. Скобликов П. Служба в органах внутренних дел как обстоятельство, отягчающее наказание // Уголовное право. 2010. № 6. С. 46–49.
5. Кленова Т. В. О равенстве и неравенстве. Политике не место в уголовном законодательстве // Юридическая газета. 2011. № 17. С. 8–9.
6. Жилкин М. Г., Качалов В. В., Маслакова Е. А. Доктринальные подходы и правовые позиции применения законодательства об индивидуализации наказания в отношении сотрудников органов внутренних дел // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Сер.: Юриспруденция. 2014. № 4. С. 49–52.
7. Комкова Г. Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека и гражданина в России: понятие, содержание, механизм защиты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. 41 с.
8. Дибиров М. Г. Привилегии в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 228 с.
9. Зайков Д. Е. Правовое (формальное) равенство и законное неравенство в современных условиях // Гражданин и право. 2011. № 8. С. 40–47.
10. По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 пункта 2 статьи 2 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» и части первой статьи 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» (в редакции статьи 12 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации») в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой граждан М. Ш. Орлова, Х. Ф. Орлова и З. Х. Орловой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 6-П // Российская газета. 2006. № 131.
11. Нерсисянц В. С. Философия права : учеб. для вузов. М., 2005. 656 с.
12. Ларин В. Ю. Судебная практика применения отягчающего наказания обстоятельства в виде совершения преступления сотрудником органов внутренних дел // Право и политика: теоретические и практические проблемы : сб. материалов 2-й Междунар. науч.-практ. конф., посв. 20-летию юрид. фак. РГУ им. С. А. Есенина / отв. ред. А. В. Малько. Рязань, 2013. С. 376–380.
13. Петров А. М., Капустин К. В. Совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел как обстоятельство, отягчающее наказание: проблемы и перспективы // Евразийский союз ученых. Юридические науки. 2014. № 10. С. 142–145.
14. Гладких В. И. Парадоксы современного законодательства: критические заметки на полях Уголовного кодекса // Российский следователь. 2012. № 11. С. 15–18.
15. Медведев С. С., Лысенко А. В. Проблемные моменты статьи 286.1 УК РФ и обстоятельства, отягчающего наказание – п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ // Общество и право. 2010. № 5 (32). С. 90–93.
16. Елинский А. В. Конституционное измерение уголовного права // Сравнительное конституционное измерение. 2012. № 3 (88). С. 159–176.
17. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (об исключении из числа отягчающих наказание обстоятельств совершения преступления сотрудником органа внутренних дел). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/215274-8> (дата обращения: 09.07.2023).
18. Денис Евсюков приговорен к пожизненному заключению. URL: <https://ria.ru/20100219/209949252.html> (дата обращения: 10.07.2023).
19. Ф. 10а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 2011–2022 гг.». URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 10.07.2023).
20. Филимонов В. Д. Криминологические основания норм уголовного права // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2016. № 2. С. 87–95.
21. Курсаев А. В. Причины наличия «мертвых норм» в Уголовном кодексе Российской Федерации // ПРАВО: история и современность. 2021. № 1 (14). С. 37–44.
22. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. 352 с.
23. Тарасов А. А. Стереотипы профессионального правосознания и проблемы «обратной связи» правоохранительной системы и общества // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4 (18). С. 90–100.
24. Лопашенко Н. А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 г.: аналитический обзор // Lex russica. 2023. Т. 76, № 4. С. 115–135.
25. По запросу Лабитнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2011 № 1623-О-О. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70009580/> (дата обращения: 22.06.2023).
26. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузнецова Дмитрия Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.07.2012 № 330-О. URL: <https://base.garant.ru/70229212/> (дата обращения: 14.07.2023).
27. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Труфанова Павла Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации, частями первой и второй статьи 60 и частью третьей статьи 172 Уголовно-процессуального кодекса Российской Феде-

- рации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.03.2013 № 420-О. URL: <https://base.garant.ru/70367142/> (дата обращения: 14.07.2023).
28. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Взаимотношения судебной и законодательной власти в контексте уголовной политики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 51. С. 153–185.
29. Власенко Н. А. Отклоняющееся государство: учение Аристотеля и постсоветская реальность // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2021. Т. 25, № 3. С. 479–505.
30. Официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 05.02.2010. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/331365-5> (дата обращения: 10.07.2023).
31. Официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации от 14.04.2022 на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (об исключении из числа отягчающих наказание обстоятельств совершение преступления сотрудником органа внутренних дел)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/215274-8> (дата обращения: 12.07.2023).
32. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Верховный Суд Российской Федерации и уголовно-правовое нормотворчество // Правосудие. 2019. Т. 1, № 2. С. 51–72.

REFERENCES

1. On the practice of assigning criminal punishment by the courts of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 22, 2015 No. 58. *Rossiiskaya gazeta = Russian Newspaper*, 2015, December 29 (In Russ.).
2. *Apellyatsionnoe opredelenie Sudebnoi Kollegii po ugovolnym delam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 04 fevralya 2016 goda po delu No. 35-APU16-1* [Appellate Ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of February 04, 2016 in case No. 35-APU16-1]. Available at: <https://www.zakonrf.info/sud/doc/3a9eea22e4bb3c9aff20d99f9268f4b8/> (accessed July 9, 2023).
3. Filimonov V.D. *Printsipy ugovolnogo prava* [Principles of criminal law]. Moscow, 2002. 139 p.
4. Skoblikov P. Service in the internal affairs bodies as an aggravating circumstance. *Ugovolnoe pravo = Criminal Law*, 2010, no. 6, pp. 46–49. (In Russ.).
5. Klenova T.V. On equality and inequality. Politics has no place in criminal legislation. *Yuridicheskaya gazeta = Law Newspaper*, 2011, no. 17, pp. 8–9. (In Russ.).
6. Zhilkin M.G., Kachalov V.V., Maslakova E.A. Doctrinal approaches and legal position application of legislation on individualization of punishment against the employees of the internal affairs. *Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiuma Srednerusskii universitet. Seriya: Yurisprudentsiya = Bulletin of the Educational Consortium of the Central Russian University. Series: Jurisprudence*, 2014, no. 4, pp. 49–52. (In Russ.).
7. Komkova G.N. *Konstitutsionnyi printsip ravenstva prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii: ponyatie, sodержание, mekhanizm zashchity: avtoref. diss. ... d-ra yurid. nauk* [Constitutional principle of equality of human and civil rights and freedoms in Russia: concept, content, protection mechanism: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saratov, 2003. 41 p.
8. Dibirow M.G. *Privilegii v ugovolnom prave Rossii: diss. ... kand. yurid. nauk* [Privileges in the criminal law of Russia: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2015. 228 p.
9. Zaikov D.E. Legal (formal) equality and legal inequality in modern conditions. *Grazhdanin i pravo = Citizen and Law*, 2011, no. 8, pp. 40–47. (In Russ.).
10. On the case of checking the constitutionality of the provisions of subparagraph 1 of paragraph 2 of Article 2 of the Federal Law “On the Entry into Force of the Housing Code of the Russian Federation” and Part 1 of Article 4 of the Law of the Russian Federation “On the Privatization of Housing Stock in the Russian Federation” (as amended by Article 12 of the Federal Law “On the Entry into Force of the Housing Code of the Russian Federation”) in connection with the request of the Supreme Court of the Russian Federation and the complaint of citizens M.Sh. Orlov, Kh.F. Orlov and Z.H. Orlova: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 15, 2006 No. 6-P. *Rossiiskaya gazeta = Russian Newspaper*, 2006, no. 131.
11. Nersesyants V.S. *Filosofiya prava: uchebnik dlya vuzov* [Philosophy of law: textbook for universities]. Moscow, 2005. 656 p.
12. Larin V.Yu. Judicial practice of the use of aggravating circumstances in the form of a crime committed by an employee of internal affairs bodies. In: Mal'ko A.V. (Ed.). *Pravo i politika: teoreticheskie i prakticheskie problemy: sb. mat. 2-i Mezhdunar. i nauch.-prakt. konf., posv. 20-letiyu yurid. fak. RGU imeni S.A. Esenina* [Law and politics: theoretical and practical problems: proceedings of the 2nd International scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the Faculty of Law of Ryazan State University named for S.A. Yesenin]. Ryazan, 2013. Pp. 376–380. (In Russ.).
13. Petrov A.M., Kapustin K.V. Commission of an intentional crime by an employee of an internal affairs body as a circumstance aggravating punishment: problems and prospects. *Evrasiiskii soyuz uchenykh. Yuridicheskie nauki = Eurasian Union of Scientists. Legal Sciences*, 2014, no. 10, pp. 142–145. (In Russ.).
14. Gladkikh V.I. Paradoxes of contemporary law-making: critical notes on the margins of the criminal code. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2012, no. 11, pp. 15–18. (In Russ.).
15. Medvedev S.S., Lysenko A.V. Problematic aspects of Article 286.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and circumstances aggravating punishment – paragraph “o” part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2010, no. 5 (32), pp. 90–93. (In Russ.).
16. Elinskii A.V. Constitutional dimension of criminal law. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe izmerenie = Comparative Constitutional Review*, 2012, no. 3 (88), pp. 159–176. (In Russ.).
17. *Poyasnitel'naya zapiska k proektu federal'nogo zakona “O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii” (ob isklyuchenii iz chisla otyagchayushchikh nakazanie obshchitel'stv sovershenie prestupleniya sotrudnikom organa vnutrennikh del)* [Explanatory Note to the draft federal law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation” (on the Exclusion from the List of Aggravating Circumstances of the Commission of a Crime by the Staff of the Internal Affairs Body)]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/215274-8> (accessed July 9, 2023).

18. Denis Evsyukov *prigovoren k pozhiznennomu zaklyucheniyu* [Denis Yevsyukov was sentenced to life imprisonment] <https://ria.ru/20100219/209949252.html> (accessed July 10, 2023).
20. F. 10a "Ochet o chisle osuzhdennykh po vsem sostavam prestuplenii UK RF i inykh lits, v otnoshenii kotorykh vyneseny sudebnye akty po ugovolnym delam za 2011-2022 gg." [Archive 10a "Report on the number of convicts for all types of crimes of the Criminal Code of the Russian Federation and other persons against whom judicial acts on criminal cases were issued for 2011-2022]. Available at: <http://www.cdep.ru> (accessed July 10, 2023).
20. Filimonov V.D. Criminological foundation of criminal law. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo = Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 2016, no. 2, pp. 87–95. (In Russ.).
21. Kursaev A.V. Reasons for the existence of "dead norms" in the Criminal Code of the Russian Federation. *PRAVO: istoriya i sovremennost' = LAW: History and Modernity*, 2021, no. 1 (14), pp. 37–44. (In Russ.).
22. Kudryavtsev V.N. *Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestuplenii* [The general theory of qualification of crimes]. Moscow, 1972. 352 p.
23. Tarasov A.A. Stereotypes of professional legal awareness and problems of "feedback" of the law enforcement system and society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Law*, 2015, no. 4 (18), pp. 90–100. (In Russ.).
24. Lopashenko N.A. The main results of criminal law reform in 2022: an analytical review. *Lextrussica = Russian Law*, 2023, vol. 76, no. 4, pp. 115–135. (In Russ.).
25. *Pozaprosu Labytnangskogo gorodskogo suda Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga o proverke konstitutsionnosti punkta "o" chasti pervoi stat'i 63 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 08.12.2011 № 1623-O-O* [At the request of the Labytnang City Court of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug to verify the constitutionality of paragraph "o" of Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1623-O-O of December 8, 2011]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70009580/> (accessed June 22, 2023)
26. *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Kuznetsova Dmitriya Anatol'evicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav punktom "o" chasti pervoi stat'i 63 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 17.07.2012 No. 330-O* [On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Dmitrii A. Kuznetsov on violation of his constitutional rights by paragraph "o" of Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 330-O of July 17, 2012]. Available at: <https://base.garant.ru/70229212/> (accessed July 14, 2023).
27. *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Trufanova Pavla Vladimirovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav punktom "o" chasti pervoi stat'i 63 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, chastyami pervoi i vtoroi stat'i 60 i chast'yu tret'ei stat'i 172 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 21.03.2013 № 420-O* [On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Pavel V. Trufanov on violation of his constitutional rights by paragraph "o" of Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation, parts 1 and 2 of Article 60 and Part 3 of Article 172 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 420-O of March 21, 2013]. Available at: <https://base.garant.ru/70367142/> (accessed July 14, 2023).
28. Pudovochkin Yu.E., Babaev M.M. Relationship between judicial and legislative power in the context of criminal policy. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal Sciences*, 2021, no. 51, pp. 153–185. (In Russ.).
29. Vlasenko N.A. The declining state: Aristotle teaching and post-Soviet reality. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal. Series: Law*, 2021, vol. 25, no. 3, pp. 479–505. (In Russ.).
30. *Ofitsial'nyi otzyv Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii na projekt federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii" ot 05.02.2010* [Official review of the Supreme Court of the Russian Federation on the draft federal law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation" of February 5, 2010. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/331365-5> (accessed July 10, 2023).
31. *Ofitsial'nyi otzyv Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 14.04.2022 na projekt federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii (ob isklyuchenii iz chisla otyagchayushchikh nakazanie obstayatel'stv sovershenie prestupleniya sotrudnikom organa vnutrennikh del)"* [Official review of the Supreme Court of the Russian Federation of April 14, 2022 on the draft federal law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation (on Exclusion from the Number of Aggravating Circumstances of the Commission of a Crime by an Employee of the Internal Affairs Department)"]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/215274-8> (accessed July 12, 2023).
32. Pudovochkin Yu.E., Babaev M.M. The Supreme Court of the Russian Federation and criminal law rulemaking. *Pravosudie = Justice*, 2019, vol. 1, no. 2, pp. 51–72. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮЛИЯ СТАНИСЛАВОВНА КАРАВАЕВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики – Пермь», Пермь, Россия, iuskaravaeva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2241-7360>

YULIYA S. KARAVAEVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Civil and Business Law of the National Research University "Higher School of Economics – Perm", Perm, Russia, iuskaravaeva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2241-7360>

Статья поступила 20.07.2023